

Исмаил Иман

«Дорогой папа»

(сериал в пяти сезонах)

Действующие лица

Саида Велиева — старший менеджер по продажам, дочь, 35 лет

Шафига Велиева — пенсионерка, мать, 70 лет

Место действия — дачный дом Велиевых в поселке Бузовна¹.

СЕЗОН ПЕРВЫЙ

Большая комната объединяет в себе три составляющие: прихожая, гостиная и кухня. В гостиной части — обеденный стол и стулья. На столе белая скатерть и чайные принадлежности. В кухонной части соответствующая мебель, плита, холодильник, раковина, прочая кухонная утварь. На стене посредством кронштейна установлен плоский телевизор. Экрана нам не видно, но слышны звуки из динамика — звуки режущего ножа по доске, льющейся воды, розжига огня и пр. Это фоновые звуки кулинарного видеоблога.

На кухне хлопочет Шафига. Она постоянно будет чем-то занята — подготовкой полуфабрикатов, мытьем посуды и пр. Шафига сейчас разделывает мясо, попутно бросая взгляд на экран телевизора. Звуки в телевизоре сменяются — теперь это звуки домашней птицы и прочей сельской живности, затем снова процесс готовки. Все это звучит постоянным фоном. Шафига в комнате одна.

В комнате постоянно включен кондиционер.

Шафига. Она хотя бы помоет эти грибы?

Появляется Саида с ноутбуком в руке. Она садится за обеденный стол, раскрывает ноутбук. У Саиды на щеке есть родинка. Шафига отвлекается на Саиду.

Шафига. Это у тебя отпуск такой?

Саида. Да, мама, мне надо отправить один мейл. Парочку, точнее...

Шафига разделывает мясо, общается с Саидой, попутно смотрит на экран и комментирует.

¹ Бузовна — поселок городского типа на побережье Апшеронского полуострова.

Шафига. Ножки обрезать надо, там и земля, и все что хочешь... Очень странный отпуск... В наше время все было иначе... Отпуск — это отпуск... А вы себя сами загоняете, потом жалуетесь...

Саида. Мама, я не жалуюсь. Кроме того, у меня не совсем отпуск. Я на удаленке. Несколько мейлов на неделе, просто надо быть на связи... Сейчас затишье, август...

Шафига. Ничего не обрежет, сразу в кастрюлю бросит, вот увидишь!

Саида. А отпуск я потом возьму, осеню...

Шафига. Зачем?

Саида. Что зачем?

Шафига. Осеню зачем?

Саида. Осеню поеду в Европу.

Шафига. В этот раз чистит... Наверное, ей объяснили, что так нельзя... Вы и отдыхать не умеете. В этом ваша проблема...

Саида не отвечает. Пауза. Саида стучит по клавиатуре лаптопа. Шафига снова разделяет мясо, поглядывая на экран.

Шафига. Но moet хорошо... (Пауза.) Каким большим ножом она орудует!.. Большиими кусками... На четыре части... А грибы какие попало, помятые, видно просроченные... Я такие не покупаю... (Пауза.) Мы с твоим папой на Волге отдыхали, на теплоходе ездили...

Саида. Пароль скажи, пожалуйста.

Шафига. Что?

Саида. Пароль от интернета.

Шафига передает Саиде листок бумаги с паролем.

Шафига. Это невозможно запомнить.

Саида вводит пароль, сверяясь с написанным на листке бумаги.

Шафига. Шафига Велиева, номер телефона 453-...

Саида (перебивает, улыбается). В этом нет надобности... Мам, давай я тебе вотсап поставлю на телефон?

Шафига. Не надо, я тебя умоляю, я так далека от этого. Не нужны мне эти ваши вотсапы, эти соцсети, вся эта грязь, весь этот мусор. Это совсем не мое... (Пауза.) У

меня есть телевизор, мой ютюб, мои сериалы. Одна радость в жизни... (Пауза.) Смотри, как котики хорошо играются... Рыжий, серенький и беленький. Такие хорошие котята...

Шафига и Саида молча смотрят на экран. Пауза. Шафига разливает чай по кружкам, садится за стол. Пьют чай.

Шафига. И что ты там пишешь?

Саида. Да все, как обычно. Пишу, мол, здравствуйте, дорогие коллеги, сообщаю об увеличении продаж по итогам третьего квартала, ждем отчеты за последний месяц, ну и, пожалуйста, используйте обновленные данные во вложении для проверки. С уважением, старший менеджер по продажам Саида Велиева.

Шафига. Я, между прочим, всем соседкам ваш корм хвалю. Говорю, он самый лучший... И всем котам во дворе твой корм покупаю...

Саида. Мам, уличным котам можно что-то попроще брать. Наш корм — все-таки корм супер премиум класса.

Шафига. Пусть и уличным котам хорошо будет. Знаешь, они на улицах быстро мрут, под колеса попадают... Пусть едят приличный корм, хоть какая-то радость в жизни... (Пауза.) Там у нас такой рыжий кот есть, очень наглый, его Давуд зовут... Я его подкармливала, пару месяцев где-то, может, даже три, очень настырный товарищ, а потом выяснилось, что это не Давуд, это другой кот... А Давуд куда-то сгинул... Они похожи — оба рыжие, оба наглые, но это другой... А Давуд, не знаю, может, тоже под машину попал... Может, и нет... Короче, я твой корм всем давала и всем рекомендовала.

Саида. Спасибо, мама. Наш корм — действительно лучший на рынке. И по белкам-жирам, и по минералам. Поддержка иммунитета, чувствительное пищеварение, ну короче...

Пауза.

Шафига. Я рада, что ты приехала в Бузовну... Серьезно... Отдохнешь, развеешься, на море будешь ходить, утром и вечером, днем в жару только не надо... Тебе это нужно...

Саида. Мама, я не хочу об этом говорить...

Шафига. Я ничего не говорю. Я про твой отпуск, всего-то... (Пауза.) А потом в Европу поедешь, куда хочешь, туда и поедешь... Зимой...

Саида. Осеню... Может, вечером погуляем? По Приморской... Или к морю спустимся...

Шафига. Ой, нет, там скопление людей, куча машин...

Саида. Тогда во дворе посидим под тутовником.

Шафига. А там комары. И душно.

Саида. И что ты будешь сидеть дома под кондиционером?

Шафига. Да, почему нет?

Саида. Тогда и в городе можно было остаться.

Пауза.

Шафига. Я поменяла белье в спальне, все чистое.

Саида. В спальне?

Шафига. Ну да, там постелила.

Саида. Мама, я не хочу спать с тобой в одной постели.

Шафига. А что тут такого? Так же удобнее.

Саида. Мама, я не хочу.

Шафига. В маленькой комнате нет кондиционера.

Саида. Мне не нужен кондиционер!

Пауза. Обе молчат.

Саида. Ладно, извини... Расскажи про Волгу.

Шафига. Любую вещь можно спокойнее выражать, нормально объяснить.

Саида. Я извинилась... Расскажи про Волгу.

Шафига. Что про Волгу?

Саида. Вы с папой ездили... Теплоход по Волге...

Пауза.

Шафига. Мы в Астрахань прилетели и сели на теплоход... Астрахань — совершенно убогая. Город грязный, неухоженный. Порт страшный, болото, одним словом. Цыган много.

Саида. Так, и дальше на теплоходе?

Шафига. Да, вверх к Москве и обратно вниз до Астрахани. Вначале, наверное, по правому берегу, а обратно по левому. Или наоборот. Не помню точно... Теплоход огромный был. Кормили отвратительно. Во время остановок, если находили плавленый сыр, брали себе плавленый сыр... Или булки в магазинах, если можно было найти, ну чтобы потом поесть на теплоходе. Ягоды покупали на пристанях, бабушки продавали, малина, ежевика, еще какая-то. За рубль, недорого. Лето было, в августе месяце. По-моему, август был...

Саида. И что, ничего интересного не было?

Шафига. Низовье Волги не очень, а вот средняя полоса и выше — получше. Нижний Новгород, тогда Горький, сам по себе хорошо расположен. Много старых зданий. По горьковским местам нас водили, показывали, еще музей Шаляпина... Еще Ярославль, еще что-то было... Мы большей частью в каюте отдыхали или выходили смотреть на упывающий пейзаж... Твой папа на палубе курил, а урны там не было, и в воду окурки он не бросал, говорил, нехорошо это, поэтому тушил и в карман пиджака клал, в боковой карман... А в Куйбышеве, сейчас Самара, вечером на пристани было очень много пьяных, мне категорически не понравилось, и твой папа предложил не гулять, он только вытряхнул окурки из кармана в урну, мы там урну нашли, и сразу вернулись на теплоход... (Пауза.) Твой папа очень красиво рассказывал про геологическую историю Волги. Что-то про миоцен и плиоцен. Он говорил, что тогда Волга впадала в Каспийское море в районе современного Баку. Представь? Климат тогда был совсем другой, и по берегам реки росли магнолии. Красиво, правда?

Саида. Красиво.

Шафига. Очень красивое место — Плёс. Там знаменитые пейзажи... Как его зовут? Не помню... Знаменитый пейзажист, не могу вспомнить... На «п», кажется... Любимое его место, он туда на лето приезжал...

Саида быстро набирает на лаптопе — гуглит.

Саида. Репин, Васильев, Саврасов, Виноградов, Левитан...

Шафига. Левитан, точно... А в Ярославле мы пошли посмотреть церковь, большая была церковь, достаточно богатая, там служба шла. Женщина у входа стояла, работница тамошняя, спросила нас: «Вы откуда, странники?». Она как-то странно так задала вопрос. Вы откуда, говорит, чужестранцы? И папа твой ответил, мы из Баку, а я добавила, мол, с теплохода. Она даже не знала, что такое Баку. В платочке таком была, летний сезон был. Июль, наверное. Или август.

Саида. Август, да.

Шафига поднимается, идет в кухонную часть комнаты, смотрит на экран.

Шафига. Какие страшные индюшки, зачем их показывать? (Пауза.) На эти баклажаны! Я для долмы² мелкие и нежные беру, а большие, только если икру делать собираюсь. А у этой женщины все кривые-косые, очень уродливые... (Пауза.) Я на прошлой неделе Фирузу видела, Ильяса жену... Я в супермаркете была, баклажаны выбираю, ищу себе длинные и тоненькие, взяла в этой куче один хороший баклажан и вдруг смотрю, с другой стороны кто-то тянет этот же баклажан. Поднимаю взгляд, а это Фируза тянет мой баклажан. Она меня тоже увидела, руку отпустила, а я бросила баклажан и ушла. Вообще не купила баклажаны в этот раз...

Саида. А что ушла? Ну взяла бы другой баклажан, подумаешь.

Шафига. Да потому что патентованная она психопатка!.. Ладно, я сейчас буду стучать!

Шафига идет к кухонной столешнице, достает из выдвижного ящика деревянный молоток для отбивания мяса, пультом от телевизора ставит другой канал.

Шафига. Сейчас я возьму свою деревянную штучку и буду стучать!

Звучит музыкальная заставка телесериала, Шафига начинает отбивать молотком мясо на деревянной доске, попутно бросая взгляд на экран.

Шафига. Это детективная история, два друга были вместе в бизнесе, но один другого подставил, у них были проблемы в дела, и один из друзей подставил второго, тот подписал все бумаги, и в итоге его посадили в тюрьму, и там его убивают... Но у него была дочка. Эту дочку кто-то воспитал, я уже не помню, кто, она выросла и решила отомстить за смерть отца. Она делает так, чтобы сын этого друга-предателя влюбился в нее, а она в итоге эту семью разорила, план у нее такой. Она строит козни-козни, и ей помогает друг, у нее друг был, не любовник, нет-нет-нет, у него невеста была, а с этой дочкой просто дружба была, и он ей помогал, не все удачно было, но все же получилось, но раскрылось, и ей пришлось бежать, и кончается тем, что она одна сидит на берегу моря, и тот, кто ей помогал, но не тот, что с невестой, а другой, еще один друг, он ей тоже помогал, а до этого еще он ей письмо написал, и пляж пустой, потому что холодное время года, осень, наверное, и в письме том он ей признается в любви, и вот она читает это письмо, мы узнаем, что он ее любит, и тут он идет по пляжу навстречу ей, вот так все и заканчивается...

Заставка заканчивается, слышны неразборчивые голоса героев сериала. Саида стучит по клавиатуре лаптопа, озвучивая набираемый текст.

Саида. Дорогой папа!

Вот я и в Бузовне. Я давно не приезжала, всякий раз откладывала, находила причину не быть здесь. Странно, правда? Полчаса езды, все равно это все тот же Апшеронский полуостров, а мне мучительно больно оказаться тут. Это происходит

² Долма из баклажанов, помидоров и сладкого перца, блюдо азербайджанской кухни.

каждый раз, стоит мне попасть на перекресток улиц Сарабского и Приморской, на этот маленький пятак в апшеронском поселке.

На улице Приморской не осталось адресных табличек. Новые не появились, а старые куда-то делись. По правую сторону достроили отель, но еще не запустили. Дальше дачи — справа и слева. Старые — в том же виде, в котором они были тридцать лет назад, и новые — с высоченными заборами, покрытыми аглайем³ и травертином. И тут же какие-то забытые ржавые ворота прямиком из шестидесятых.

Папа, давай признаемся, это все очень убого.

Вот я дохожу до заброшенного участка Детского сада судоремонтного завода имени Вано Струса. Покосившиеся ворота с чайками и якорями, сверху на соответствующей надписи потерялась буква «с» — теперь там «детский ад». Справа, почти в самом конце улицы, еще один участок, захожу в проем в заборе — вокруг многолетние ели, на земле шишки и битый шифер... Улица Приморская упирается в стену. За ней санаторий «Хазар», в котором когда-то жили агдамские беженцы. Сейчас он пустует — то ли ремонт, то ли строят заново.

Все настолько безобразно, что хочется это уничтожить. Сравнять с землей, не оставить ничего, убрать все эти наслоения прошлых времен, старой и текущей жизни, все эти артефакты, не представляющие никакой ценности.

Но почему это так цепляет меня? Почему во мне такое чувство растерянности? Почему я так переживаю из-за этой разрухи, из-за ее утраты? Суть в невозможности сохранить все эти воспоминания, весь этот развал, который неизбежно уйдет, истлеет, выгорит, поблекнет, одним словом, не останется.

Пройдет год или два, и бесхозный участок в конце улицы Приморской обретет владельца, там построят коттеджный поселок на дюжину одинаковых, под копирку домов, голый и безликий. Вырубят все ели, вместо них теперь бассейн. Но как выглядел этот участок раньше? Запомню ли я? Останется ли это в моей памяти? Запомню ли я твои рассказы про отложения в земной коре, про породы, из которых сложен наш Апшерон? Про то, что прячется под землей, если проткнуть ее насекомым?

Все меняется, ничего не останется. И я все забуду. Я не смогу это запомнить.

Все должно уйти. Все уходит. Сейчас.

Наверное, с этим надо смириться.

³ Аглай — облицовочный камень известняковой породы, добывается на горных карьерах Апшеронского полуострова.

СЕЗОН ВТОРОЙ

Саида одна сидит за столом перед ноутбуком. Из телевизора доносятся фоновые звуки кулинарного видеоблога, затем слышен нарастающий звук закипающего электрического чайника. Появляется Шафига, торопливо выключает чайник.

Шафига. Ты зачем его опять кипятишь?

Саида. Чай хотела.

Шафига. Ты воды долила?

Саида. Нет, он же почти полный.

Шафига. Так зачем кипятишь? Он же уже кипел.

Саида. Мама, я подогреть хотела. Он сам выключится.

Шафига. Ты совсем как ребенок. Кто ж воду по несколько раз кипятит? Она же уже тяжелая. Там вся таблица Менделеева внутри... Тяжелые металлы... Молибден, висмут, тантал...

Саида не отвечает. Шафига наливает чай, кружку ставит перед Саидой. Выкладывает на стол сахарницу с колотым сахаром и вазочку с круглым печеньем. Добавляет сахар и печенье из упаковок, но кладет их с избытком, куски сахара и кругляши падают на скатерть, Шафига возвращает их обратно, утрамбовывая в сахарнице и вазочке. Саида молча наблюдает, затем вытягивает руку и берет из вазы печенье. Шафига замечает ее руку, садится напротив.

Шафига. Ты совсем бледная. Бледная, как эта скатерть. Тебе загореть надо. Утром на море людей мало, никто не мешает, и солнце хорошее, позагорай. Я тебе дам еще одно полотенце — одно для тела, а второе чтобы постелить и полежать. Хорошо?

Саида. Хорошо, но можно и просто на песке полежать.

Шафига. Не надо на песке, все что хочешь там бросают. Окурки, например. Не все же, как твой папа, окурки по карманам собирают... Окурков очень много.

Саида. Откуда ты знаешь? Ты к морю даже не ходила.

Шафига. Не ходила, но знаю. Поэтому второе полотенце возьмешь... Ты такая бледная. Ты если ляжешь на стол, на эту скатерть, сольешься с ней, я тебя даже не замечу. Скажу, Саида, ты где? А ты голову поднимешь, и вот тогда замечу... (Пауза.) Поэтому надо принять солнечные ванны. Хорошо?

Саида. Хорошо.

Саида пьет чай, макает печенье в чай и ест.

Шафига. И чайник второй раз не кипяти, это очень вредно.

Саида. Я поняла.

Шафига. А полотенце я потом в стирку брошу... У меня же машинка, хорошо стирает, хорошая машинка... Я потом постираю... Ну, когда ты уедешь...

Саида. Мама, я только приехала.

Шафига. Ну ты же уедешь.

Саида. Мама, хватит.

Шафига. Что тут такого? Ты ко всему придираешься... Ты уедешь. Я уеду. Навсегда же не останемся. Дачники разъедутся. Лето закончится. Круг жизни. Зачем все так драматизировать?

Саида молчит. Шафига поднимается, уходит в сторону кухни, посматривает на экран телевизора.

Шафига. Что это? Что это такое?

Саида тоже смотрит на экран.

Саида. Это зеленый горошек.

Шафига. Это зеленый горошек. Кошмар, просто катастрофа.

Саида. А что такого?

Шафига. Ты меня иногда пугаешь. Как будто не в доме росла, а где-то в столовке. Ты бы это поела? Вот честно скажи, поела бы? Это же отвратительно. Все, что хочешь, там есть. И еще зеленый горошек, целая банка. И с удовольствием едят. Отвратительно.

Саида. Зачем тогда смотришь?

Шафига. Просто смотрю. Убиваю время. (Пауза.) Зато нам есть повод поговорить.

Саида. В смысле?

Шафига. Ты же молчишь все время. Отвечаешь односложными фразами. «Да», «нет», «знаю», «не знаю», «наверное». Как робот какой-то.

Саида. Роботы сейчас больше говорят.

Шафига. Вот именно... (Пауза.) Твоя родинка на щеке стала будто больше.

Саида прикасается к родинке на щеке.

Шафига. У твоего папы такая же родинка.

Саида. Знаю.

Шафига. У вас родинки одинаковые. Сейчас совсем одинаковые стали.

Саида. Я знаю, мама.

Пауза.

Шафига. А вдруг это меланома? Вдруг это рак? Тебе надо к врачу сходить, провериться. Может, лучше ее удалить?

Саида. Не надо ее удалять. Это папина родинка.

Пауза. Фоновые звуки кулинарного видеоблога пропадают. Шафига обращает на это внимание, смотрит на экран.

Шафига. У меня интернет пропал. Проверь, у тебя работает?

Саида. У меня работает.

Шафига. Ты как приехала, у меня интернет испортился... *(Берет пульт, нажимает кнопки.)* Мой ютуб не работает. Ты что-то там качаешь, да?

Саида. Я ничего не качаю.

Шафига. Качаешь, я видела.

Саида. Это вообще мелочь, маленький файл. Я его уже скачала.

Шафига. И зачем ты это все качаешь?

Саида. Это рекламные постеры, я должна отправить на локализацию.

Фоновые звуки кулинарного видеоблога возобновляются.

Шафига. Отдыхать тоже не умеешь.

Пауза. Шафига смотрит на экран. Саида печатает на ноутбуке. Шафига подсаживается за стол, смотрит на Сайду.

Шафига. Мне их обеды не нравятся.

Саида. Их?

Шафига. Ну ее, этой женщины. Красивая природа, кошки ходят, собачки ходят, но как она готовит свои обеды, мне не нравится. Я ей двойку поставила.

Саида. Выключи и не смотри.

Шафига. Надо же что-то смотреть. Я просто смотрю, но мне не нравится, ни в какую.

Саида хочет что-то сказать, но молчит.

Шафига. Послушай, она смешивает растительное и сливочное масло, а это неправильно. Мясо нарезает, но не чистит от прожилок... Кидает в кастрюлю, заливает водой, а там пенка, все это смешивается... И нарезанный лук в кипящую воду, представляешь?

Саида закрывает ноутбук, молчит. Шафига показывает пальцем на экран.

Шафига. Посмотри, как она режет болгарский перец. Как она его чистит. Она семена оставляет.

Саида. Неправда, она их вырезала. Вон в сторонке на доске лежат.

Шафига. Но внутри семена остались.

Саида. Три семечка, ну четыре, не больше.

Шафига. Тебе просто спорить со мной нравится.

Пауза.

Шафига. Она все-таки жуткая хамка, очень бесцеремонная.

Саида. Да что тебе сделала эта женщина с кулинарного блога?

Шафига. Она мне ничего не сделала, даже и не сможет сделать. Я вообще не про нее.

Саида. А про кого?

Шафига. Про Фирузу. Ее любимое кредо — истошно вопить, публичная должна быть сцена... Чуть что, сразу начинает истошно вопить...

Саида хочет что-то сказать, но молчит.

Шафига. Я ее в супермаркете встретила. Я баклажаны покупала, для долмы.

Саида. Ты говорила, да.

Шафига. Всегда на долму маленькие, тоненькие баклажаны надо брать... *(Пауза.)* Я, значит, выбрала себе хорошенъкий один баклажан, беру его, а он не тянетя.

Саида. Мама, ты рассказывала.

Шафига. Оказывается, его Фируза с другой стороны тянет. *(Смеется.)* Представь? Ну я и отпустила.

Саида. Но она ведь не вопила, не кричала.

Шафига. Потому что я бросила баклажан и ушла. А вообще только посмела бы, только бы вякнула... Но не знаю, я ведь повернулась и ушла. Я бросила и ушла.

Саида открывает лаптоп, что-то набирает.

Шафига. Редкостная хабалка... *(Пауза.)* Что тебе приготовить на ужин?

Саида. Мам, я сегодня ужинать не буду.

Шафига. Почему это?

Саида. Мы с девочками едем погулять, за мной заедут.

Шафига. Голодная будешь?

Саида. Почему голодная? Мы в ресторане поужинаем. Я же говорила.

Шафига. Ну я забыла, значит. *(Пауза.)* А как ты вернешься?

Саида. Тут рядом. Кто-нибудь подвезет.

Шафига. Или вызови себе... Вызови эту штучку, эту желтую штучку.

Саида. Такси?

Шафига. Да, вызови себе такси.

Саида. Они уже давно всех цветов, но, если что, я вызову.

Шафига. В мои времена они всегда были желтого цвета. *(Пауза.)* Если останешься голодная, я тебе сосиски сварю.

Саида. Спасибо, мама.

Шафига. Забавно, у меня тут сосиски, а у твоих котов корм с индейкой, уткой, я не знаю, лососем... А подруги у тебя приличные?

Саида *(улыбается)*. Да, мама, вполне приличные.

Шафига. Сейчас очень много молодых девушек, готовых на все. И козни строят, и пакости делают, лишь бы свое место под солнцем заполучить. Особенно их много в компаниях, работают там в разных компаниях.

Саида. Мама, я тоже работаю в компании.

Шафига. Но ты же не такая... Ты же не такая?

Саида. Я не такая.

Шафига. Вот и хорошо.

Шафига поднимается, идет к кухонной столешнице, перебирает посуду и столовые приборы, пультом от телевизора ставит другой канал. Звучит музыкальная заставка телесериала, в этот раз другого. Шафига дребезжит посудой и ложками-вилками, попутно бросая взгляд на экран.

Шафига. Это любовная драма, которая кончается трагедией. Семья, в которой двое детей, мать их рано умерла, болела и потом умерла, умирая, она сказала мужу, чтобы он взял ее знакомую, у которой отец был француз, значит, взял эту знакомую с французским воспитанием к ним в семью, чтобы она была няней их детям, их там двое, и вот эта мадемуазель живет у них, воспитывает детей. Глава семьи занимался строительством, у него компания с большим уставным капиталом. И вот они знакомятся с семьей, с другой семьей, там муж и жена были на грани развода, и еще есть две дочки, одна замужем за жуликоватым мужиком, который тоже в строительном бизнесе, конкурент его, а младшая девочка из этой семьи, которая на грани развода, красивая, очень очаровательная, и этот мужик, глава первой семьи, решил на ней жениться, а у него, у этого мужика был двоюродного брата сын, родители которого погибли в автокатастрофе, он закончил университет, а та девочка была немножко болезненная и училась не очень хорошо, хотя эта мадемуазель все время ей уделяла внимание, она даже и на рояле играла, и он женится на дочке этого конкурента, там большая разница в возрасте была, и потом она влюбляется в его племянника...

Заставка заканчивается, слышны неразборчивые голоса героев сериала. Саида стучит по клавиатуре лаптопа, озвучивая набираемый текст.

Саида. Дорогой папа!

Сегодня я спустилась к морю и бродила по пляжу, осматривала знакомый пейзаж, пытаясь вспомнить, каким он был раньше.

С побережья смотрят особняки, соревнующиеся друг с другом в достатке. Некоторые из них отхватили берег — с собственными пирсом и спуском для лодок и водных мотоциклов. Другие расположились на скалах, погребенных под тоннами строительного песка. Рядом с одним из них, еще недостроенным, стоит автомобиль для подачи бетона — с поднятой стрелой и печально повисшим шлангом.

По пляжу едет грузовичок с мороженым, у которого из колонок по кругу крутится простенькая мелодия — будто миди-файл. Ты знаешь, что такое миди-файл, папа?

В песке закопаны рыболовные сети — найдут ли их потом рыбаки? Мужчина с наколками на плече достает из багажника ржавого «жигуленка» четыре канистры — там топливо для скутеров.

Старик в синих шелковых трусах долго топчется на берегу. На его ногах, чуть ниже колен красные резинки — на каждой голени, неизвестно для чего. На трусах повторяющийся рисунок — кенгурунок и надпись True Blue. Наконец, он заходит в море.

Загорелая девушка в черном купальнике с красивым узором растяжек на бедрах смотрит вдаль. Мальчик ловит в ведерко мальков. Складное деревянное кресло лежит прямо в воде, там, поджав ноги, сидит женщина и читает книгу. На песке разложен коврик, а на нем настоящее пиршество — дачники принесли с собой громоздкую утварь: плетеную корзину с фруктами, изогнутый фарфоровый чайник, хрустальные фужеры.

Набегает волна, сейчас она унесет мои вьетнамки. Ступни мягко оседают в мокром песке. Я не иду дальше — вода в Каспии тяжелая для меня, и я в ней будто перекипела.

В этот жаркий августовский день я хочу, чтобы досрочно наступила осень. Чтобы налетел хазри⁴ и сдул отдыхающих с пляжа. Чтобы он вообще снес все на хрен.

Чтобы темно-серое море штормило, в небе клубились тучи, проливались дождем. Чтобы я спустилась к пляжу, а тут никого. Шумят на ветру сложенные зонты, бродят бездомные псы, среди беседок вороны клюют семена из оставленных нерадивыми отдыхающими половинок арбузов.

Чтобы была только я и этот обычный апшеронский пейзаж. Такой заурядный, если по-честному.

И в этот момент в моей голове почему-то возникает слово «внутри».

После городов, в которых я не была прежде, после стран, в которых не буду жить, снова «внутри». Там, под кожей, под грудой песка и земли, в этих скалах, в которые больше никогда не ударят волны, где-то глубоко внутри себя. В маленьком апшеронском поселке, среди этого заурядного, тоскливого, но такого прекрасного пейзажа. И копаясь в себе, раздирая зудящую кожу, я нахожу эту удушающую любовь и ощущение невосполнимой утраты.

Что с этим делать — решительно не знаю.

⁴ Хазри — северный морской ветер, который дует на Апшеронском полуострове.

СЕЗОН ТРЕТИЙ

Из телевизора доносятся фоновые звуки кулинарного видеоблога. Саида сидит за столом перед лаптопом. Шафига подносит к столу два чайника — электрический и заварочный, последовательно разливает по кружкам. На столе все те же сахарница с колотым сахаром и вазочка с круглым печеньем. В другую вазочку Шафига выкладывает мармелад из упаковки, кладет с избытком, дольки мармелада падают на скатерть, Шафига возвращает их обратно, утрамбовывая в вазочке. Стол заставлен чайными принадлежностями. Затем Шафига ставит перед Саидой и собой по тарелочке, это сопровождается перезвоном посуды. Саиду явно раздражает это дребезжание.

Саида. Мама, почему она так шумит?

Шафига. Кто шумит?

Саида. Посуда. Посуда шумит.

Шафига. Перезвон?

Саида. Да.

Шафига стучит тарелкой по тарелке.

Шафига. Такой?

Саида кривит лицо.

Саида. Да.

Шафига. Потому что она не фарфоровая. Там фаянс есть, но что-то добавляют, со стеклом... Дешевая посуда, поэтому такой звон... Это необожженная керамика... (Пауза.) Раньше в Гяндже завод выпускал керамическую посуду. Чайники выпускали... Тарелки разные, глубокие и плоские, кяса⁵ разных размеров, кясашки всех видов были... Они никогда не звенели, правда, бились часто, но это на счастье...

Саида. Давай купим новый сервис. Фарфоровый.

Шафига. А зачем? Мы тут только на лето.

Саида. Чтобы не дребезжал.

Шафига. Тогда купим домой, а я сюда старый привезу.

Саида. А он фарфоровый?

⁵ Кяса — посуда круглой формы с широким верхом и узким низом.

Шафига. Нет.

Пауза. Пьют чай. Шафига поглядывает на экран телевизора, оттуда доносится дребезжание кастрюли.

Шафига. Надо крышку открытой оставить, чтобы вода выпарила... А она сейчас закроет... *(Пауза.)* Закрыла, я же говорила! *(Пауза. Саида.)* Хочешь эту штучку?

Саида. Какую штучку?

Шафига. Вот эту зеленую штучку. Вот это хочешь?

Саида. Мама, это называется «мармелад».

Шафига. Мармелад, да. Хочешь?

Саида. Мама, у тебя ограниченный словарный запас?

Шафига. С мое поживешь, тоже начнешь забывать слова.

Саида. Еще хуже. Тебя надо отвести к врачу, провериться, мало ли...

Шафига. Ой, иди к черту.

Пауза. Пьют чай. Саида берет зеленую дольку мармелада. Шафига поглядывает на экран телевизора.

Шафига. А-а, этот мальчик появился, маленький, внук ее, длительное время его не было... Он совсем не растет, не меняется... Наверное, у него почечная недостаточность... Или бронхиальная астма... Совсем не растет, мелкий будет, коротышка... *(Пауза.)* Несчастные дети...

Пауза. Саида что-то набирает на лаптопе.

Шафига. Ты вчера поздно приехала?

Саида. Не помню, не смотрела на часы.

Шафига. Я не слышала, когда ты приехала... *(Саида молчит. Пауза.)* Я проснулась в час ночи, тебя не было.

Саида. Откуда знаешь? Может, я тихо спала?

Шафига. Нет, я проверила.

Саида. Проверила?

Шафига. Заглянула в маленькую комнату.

Саида. Значит, по всей вероятности, я пришла чуть позже.

Шафига. В два?

Саида. Ты же сама говорила, мол, отдохай, вот я и отдохала.

Шафига. Для этого необязательно где-то до поздней ночи шляться. К тому же я не могу заснуть, беспокоюсь. С твоей стороны это эгоизм.

Саида. Летом другой график, сбившийся режим, никто не спит. Это нормально.

Шафига. Где такое написано?

Саида. В ютубе.

Шафига. Правильно говорить «ютьюб».

Саида. Мама, какая разница?

Пауза. Шафига смотрит на экран телевизора.

Шафига. Смотри, какое мясо мягкое... Как отслаивается от косточки, ничего не остается... Видишь, я правильный человек, по делу всегда хвалю...

Саида. Мама, где ключи от чулана?

Шафига. Зачем тебе чулан?

Саида. Просто. Посмотреть хочу, что там есть.

Шафига. Ничего там нет, обычный мусор, который никому не нужен и никогда не пригодится, но его все равно жалко выбросить. Лопата есть, вилы, грабли есть. Тебе грабли нужны?

Саида. Я просто хочу посмотреть, мне скучно.

Шафига. На вешалке висят... Скучно ей... *(Пауза.)* Ну извини, я не могу тебя развлекать... Не могу и не умею...

Саида. Не надо меня развлекать.

Шафига. Ключи на вешалке, я сказала.

Саида. Я поняла, я потом возьму.

Шафига. А сейчас ты занята? Что ты там пишешь?

Саида. Я письмо пишу... Супермаркетам... Чтобы наш корм на нужных полках держали, на уровне взгляда человека, а вниз не убирали, потому что у нас с ними договоренность.

Шафига. У вас хорошие упаковки, и котики там такие сладкие, сразу видно, добротный товар. Пусть на видном месте лежит.

Саида. Вот и я говорю.

Пауза.

Шафига. Смотри, как ребенок мясо ест, внук этот... Мясо ест... Как зверек... Как какой-то звереныш... *(Пауза.)* Несчастный ребенок...

Шафига поднимается, идет к кухонной столешнице.

Саида. Ты сказала, что покупки будешь делать?

Шафига. Да.

Саида. Возьми, пожалуйста, у меня деньги.

Шафига. Зачем?

Саида. Ну я же здесь живу, участвую в хозяйстве... Мой кошелек на столешнице. Возьми, пожалуйста.

Шафига берет со столешницы кошелек, открывает его.

Саида. Там есть сто манатов. Возьми, пожалуйста.

Шафига перебирает содержимое кошелька.

Шафига. У тебя тогда совсем мало останется.

Саида. Ничего страшного, у меня на карточке деньги.

Шафига. Если надо, я могу добавить.

Саида. Не надо, мама. Вот эти сто манатов возьми.

Шафига вытаскивает купюру в сто манатов.

Шафига. Почему такая грязная купюра?

Саида. Мама, ну откуда мне знать?

Шафига. Вся мятая, скомканная.

Саида. Что банкомат дал, то и взяла.

Шафига. Я пенсию снимаю в одном и том же банкомате, там всегда новенькие купюры, только с печатного станка... А тут мятая... Какие-то бурые следы... Это кровь? Ты порезалась?

Саида. Нет, мама, я не порезалась.

Саида поднимает руки, показывает Шафиге.

Шафига. Проспиртуй руки.

Саида. Мама, ковид закончился.

Шафига. Не в ковиде дело. Одному богу известно, чья эта кровь. Проспиртуй.

Саида. У меня чистые руки. Купюра у тебя.

Шафига. Действительно.

Шафига откладывает купюру на край столешницы, берет с полки спрей со спиртом, прыскает на ладонь, растирает руки. Пауза. Шафига относит кошелек Саиде. Кошелек открыт.

Шафига. Закрой, кошелек, пожалуйста.

Саида. А что такое?

Шафига. Ну закрой, у меня пальцы не слушаются, открыть смогла, а закрыть не могу, там защелка тугая.

Саида закрывает защелку кошелька, оставляет его рядом с собой.

Шафига. У меня сухожилия порваны. На большом пальце. Оба больших пальца, на обеих руках. Из-за этого потеря чувствительности. Я не чувствую. У меня нет чувствительности.

Саида. Когда это случилось?

Шафига. Да лет десять назад.

Саида. Я не знала.

Шафига. Эх ты, матерью не интересуешься.

Саида. Ты не говорила. И папа не говорил.

Шафига. Я и шпильки прижать не могу, везде, где большой палец нужен, не получается. Не слушаются меня. Не действуют большие пальцы. Я думаю, что рука

работает, а она на самом деле не работает. Проскакивает мимо цели... Это случайно получилось — я белье выкручивала, вдруг хруст и все.

Саида. Зачем ты белье выкручивала?

Шафига. А что, мокрым вешать?

Саида. У тебя же машинка.

Пауза.

Шафига. Что ты мне замечание делаешь постоянно? Я тебе что? Ребенок? Девчонка?

Саида. Извини, мама. Я не хотела...

Шафига отходит в кухонную часть, смотрит на экран, затем поворачивается к Саиде.

Шафига. Я в тот день ее видела.

Пауза.

Саида. Фирузу?

Шафига. Да, в супермаркете. *(Подходит к столу.)* Я была в овощном отделе, подошла к лотку, где выложены...

Саида. ...баклажаны...

Шафига. Да, баклажаны. Выбираю, значит, себе баклажаны...

Саида. Мама...

Шафига. Ищу, чтоб поменьше, чтобы нежные были...

Саида. Мама...

Шафига. И в это время кто-то тянет мой баклажан...

Саида поднимается, широко улыбается.

Саида. Это Фируза!

Шафига. Именно она!

Саида. Она ведь та еще хабалка!

Шафига. И хамка!

Саида. Отвратительная особа!

Шафига. Я на нее посмотрела презрительно, бросила баклажан и ушла!
(Улыбается, опускает взгляд на стол, неожиданно кричит.) Смотри — дорога!

Саида. Где? Что?

Шафига возбужденно показывает пальцем на стол.

Шафига. Дорога, вот же! Смотри! Между чашками и вазочками, они все так выстроились в ряд, словно дорога! Будто серпантин! (Показывает на столе направление между посудой.) Твой папа всегда видел дорогу, а я — никогда, но сейчас я вижу, Саида, я вижу дорогу! Ты видишь ее, Саида?

Саида (неуверенно). Вижу, мама...

Пауза. *Шафига успокаивается.*

Шафига. Дорога — это хорошо. Когда открывается дорога, это хорошая примета.

Шафига отходит к кухонной столешнице. Саида опускается, садится за стол, смотрит в лаптоп. Шафига встает у раковины, открывает кран, пультом от телевизора ставит другой канал. Звучит музыкальная заставка телесериала, и в этот раз другого. Шафига стоит у раковины и моет посуду, попутно бросая взгляд на экран.

Шафига. Это история любви сына богатых родителей и бедной девушки, отец которой простой уборщик — он убирает парадные. В этом же доме живет другая богатая семья, у них дочка влюблена в этого парня, и она строит козни против этой девочки, делает в ее отношении всяческие пакости. Эта девочка, дочка уборщика, закончила школу, выучилась, стала хорошим менеджером. А отец того парня, его богатый отец, значит, разорился и вынужден был продать свой отельный бизнес, а новый владелец отеля, этого бизнеса, берет к себе на работу эту девочку, дочку уборщика, потому что она теперь сильный менеджер. А этот сын разорившегося мужика был немножко со странностями, у него неустойчивый характер, и его родители, особенно мать, не принимали девочку, потому что она дочка дворника. Но он, этот молодой человек, стал самостоятельным, взял для нее свадебное платье, очень красивое и элегантное, и просит ее руки. Она дает согласие, и вот напротив сквера идет свадьба, они танцуют, и в это время в нее стреляют и убивают, и она умирает на его руках, вот такой трагический конец...

Заставка заканчивается, слышны неразборчивые голоса героев сериала. Саида стучит по клавиатуре лаптопа, озвучивая набираемый текст.

Саида. Дорогой папа!

Сегодня очень жарко, нестерпимо печет солнце, но я не жалуюсь, только осторожно поправляю панаму свободной рукой. Рядом идешь ты, крепко держишь

меня за другую руку. Мама попросила что-то купить, и я увязалась с тобой. Петляет улица Сарабского, сейчас она упрется в Приморскую, там наша дача. Там наш раскидистый тутовник и прохлада.

Я слушаю твои истории, твои увлекательные рассказы про далекие экспедиции, про то, как ты и твои коллеги собираете образцы пород, как делаете отметки на картах, указывая там новые ценные месторождения. Я слушаю внимательно, стараясь ничего не пропустить, впитать каждое слово. Навстречу выходят соседи, какие-то дачники, все почтительно здороваются с тобой, и я твердо уверена: когда вырасту, я стану как ты — буду геологом, и у меня будет такой же геологический молоточек — плоский с одной стороны и заостренный с другой. Так и будет, папа.

Таинственно понижая голос, ты говоришь о том, что скрывается на другой стороне Земли. Если проткнуть Землю насквозь, прямо вот здесь, посередине нашего дачного участка, в пяти метрах от тутовника, то там, на другой стороне планеты мы окажемся в южной части Тихого океана, где-то между Новой Зеландией и Южной Америкой. Мы сверяемся с глобусом, находим эту точку — там бескрайняя водная гладь. Но не все так просто, уверяешь ты, есть множество мелких островов, которым не нашлось места на картах и глобусах, и, если повезет, мы окажемся именно на таком острове. Этот маленький клочок земли утопает в зелени, всюду растут кокосовые пальмы, хлебные деревья и, наверное, цветут магнолии. А живут там полинезийцы, они носят набедренные повязки и юбки, на шеях — ожерелья из цветов, на головах — шлемы из птичьих перьев.

Вот я снова на улице Приморской. Теперь я — странница. Где моя дорога, папа? Где мой серпантин с гигантскими чайниками и чашками, с искрящимися мармеладными горами и сахарными пиками? (Возможны обвалы крупных масс сахарных пород.) Где я, папа?

Мы пошли с подругами в ресторан у моря, заказали рыбный люля. Обычный ресторан: старая беседка, металлические трубы с ржавыми волдырями, везде песок, но очень вкусно. Все, как ты любишь — твой любимый Апшерон. Повар делает люля из трех видов рыбы: кефаль, кутум и хвостовая часть осетра, а еще добавляет курдючный жир, чтобы рыбный фарш склеился и его можно было нанизать на шампур.

А потом мы поехали в клуб. Там глямурно и дорого, но, если присмотреться, это тот же Апшерон — песок и ржавые волдыри. И в самый разгар вечеринки моя подруга супер премиум класса, та, что носит одежду от Alexander Wang и обувь от Jimmy Choo, достает крошечный пакетик с белым порошком. Папа, ты не подумай, у меня вполне приличные подруги: козни не строят, пакости не делают, просто все хотят свое место под жарким апшеронским солнцем. Она говорит, что кредитка у нее есть, но нужна купюра, а купюра должна быть крупная, потому что крупные деньги всегда чище. И тогда я достаю стоманатную банкноту, новенькую и чистенькую, только с печатного станка. Мы идем в туалет. Моя подруга в джинсах Balenciaga и кроссовках Off-White идет первой, после нее в кабинке оказываюсь я. На краю раковины лежит ее смартфон, на черном экране три аккуратные дорожки, одна из них для меня, а в руке моей свернутая трубочкой сотня. Папа, тут самое главное зажать вторую ноздрю, в противном случае рискуешь сдуть порошок. В это время

кто-то начинает стучать и вламываться в кабинку, и это не кто-то из моих подруг. Поэтому я вдыхаю через нос все три дорожки, словно робот-пылесос вычищаю всю поверхность и спокойно выхожу. Там снаружи стоит какая-то вульгарная сисяндра с переполненным мочевым пузырем, я смотрю на нее с пренебрежением, бросаю баклажан и ухожу. Возвращаюсь к подругам, передаю телефон, взахлеб рассказываю, что произошло, и меня охватывает эйфория, потому что я такая классная, папа. Папа, я шикарная.

Я охуенная, папа.

Уже засыпая, я прислушиваюсь. Бузовна умолкает, затихает, и я слышу. Среди ночи доносится тихое, приглушенное пение — там на далеком острове поют мои полинезийцы. Я возьму лопату в чулане и буду копать, пробурю туннель, раскопаю его до конца, раздроблю все породы геологическим молоточком, доберусь до того острова, но, если я промахнусь, Тихий океан выстрелит фонтаном, прольется у нас на участке, вырвется за ворота и побежит по Приморской и дальше по улице Сарабского.

Только это не океан.

Это мои слезы, папа. Мои слезы, папа.

СЕЗОН ЧЕТВЕРТЫЙ

Саида стоит у раковины и моет зелень, вымытые пучки укладывает в таз. Появляется Шафига. На ней красное платье старомодного покроя. Платье длинное, в пол.

Саида. Я помню это платье.

Шафига. Я купила его в Цюрихе с твоим папой.

Саида. Ты в нем была очень красивая.

Шафига. А сейчас — нет?

Саида. Сейчас тоже.

Шафига. В Цюрихе была конференция геологов. Я ждала папу, потом мы гуляли, и вдруг он остановился у витрины магазина, я даже не поняла, зачем, а там на манекене это красное платье. Мы все деньги потратили на это платье, хватило еще на коробку шоколадных конфет. Когда мы вернулись, ты в тот же вечер съела всю коробку, все конфеты в один присест, раз-раз и съела, потом сырью покрылась, у тебя была аллергия... Что ты делаешь?

Саида. Мою зелень.

Шафига. Кто ж так моет?

Шафига вытаскивает мытую зелень из таза, смешивает с немытой, в таз набирает воды, всю зелень укладывает в воду. Саида молча наблюдает за процессом.

Шафига. Я мою зелень в тазу с водой. Потом промываю проточной водой... Но самое главное: в таз с водой я добавляю две столовые ложки уксуса... *(Достает бутылку с уксусом и столовую ложку, отливает в ложку уксус, сбрасывает в таз, повторяет.)* Оставляю на тридцать минут, потом смываю проточной водой, потом заворачиваю в полотенце и высушиваю, потом кладу в контейнер и убираю в этот холодильник. Этот холодильник хороший, он хорошо холодит.

Саида. Уксус зачем?

Шафига. Уксус убивает личинки.

Саида. Какие личинки, мама? Тут нет никаких личинок.

Шафига. Как нет? У тебя бычий цепень будет! Через скот передается... Все эти ленточные черви... *(Показывает тем же движением, что показывала дорогу-серпантин.)* У тебя черви будут. Они в кишечнике годами могут жить, десятилетиями.

Саида. Мама, эта же не сорняки какие-то. Эту зелень выращивают в тепличных хозяйствах. Что делает скот в парнике, где выращивают зелень?

Шафига. Ты совсем тупая? Навоз! Навоз в почве! Яйца! Скот! Удобрение!

Саида ничего не говорит, отходит к столу, садится, открывает ноутбук, смотрит в него. Шафига успокаивается, перебирает зелень в тазу.

Шафига. А еще бывают гигантские черви, толщиной с удава, достигают трех метров.

Саида. Как они помещаются в человеке?

Шафига бьет себя по лбу.

Шафига. Сворачиваются! Калачиком сворачиваются! Они растут, увеличиваются, давят на стенки кишечника, сжимают кишечки. Я по ютубу видела.

Из телевизора доносятся фоновые звуки кулинарного видеоблога — и сразу пропадают. Шафига хватается за пульт.

Шафига. Опять ты мне интернет поломала... *(Жмет кнопки на пульте.)* Не понимаю, почему такое вредительство? Специально? Я тебе враг?

Саида. Я не трогала твой интернет.

Шафига. Мой ютюб опять не работает. Одна радость в жизни, и то... (Пауза.) Мой ютюб, мои сериалы, моя повариха... (Возобновляются фоновые звуки кулинарного видеоблога.) Опять она томатную пасту добавляет. Очень любит томат, везде эту томатную пасту сует-пихает... (Откладывает пульт.) Но где свежие помидоры и где консервированный томат?.. И в конце зелень... (Перебирает зелень в тазу.) Зато дети ее все прекрасно съедают...

Шафига откладывает таз с зеленью в сторону, идет к столу, садится напротив Саиды. Саида печатает на ноутбуке. Пауза.

Шафига. Ты понимаешь, она неопрятно работает. Очень неопрятно. Вот бывают самоделкины? Вот она такая. Все на глаз у нее. Мясо от прожилок не чистит, пленки-мленки с курицы не снимает, это же категорически неприемлемо. Так она может и хорошая, трудолюбивая женщина, но я бы к ней в гости не пошла... (Пауза.) Я капризный человек, мне угодить тяжело... Я тяжелый человек...

Пауза.

Саида. Ты бы выключила кондиционер... Тебе холодно будет...

Шафига. Не будет. Я же морозоустойчивая. У меня насморка лет двадцать не было... Смотри, что я нашла... (Поднимается, идет к столешнице, берет оттуда видеокассету в суперобложке, возвращается к столу, протягивает Саиде.) Смотри...

Саида берет видеокассету — это фильм «Гарри Поттер и философский камень».

Саида. «Гарри Поттер», самый первый... Я даже не помню, что он был на кассетах...

Саида осматривает суперобложку со всех сторон, вытаскивает видеокассету, осматривает ее, как какую-то диковинку, читает надпись на откидной крышке, кладет обратно.

Шафига. Хочешь посмотреть? Правда, не на чем.

Саида. Все есть в интернете. И качеством лучше.

Шафига. И на ютюбе?

Саида. Там скорее фрагменты... Мама, я чужая?

Шафига. Что?

Саида. Я чужая? Приемная?

Шафига. Что за вопрос?

Саида. Нормальный. Я — приемный ребенок?

Шафига. Нет, конечно.

Саида. Ты никогда не говорила, где я родилась.

Шафига. Роддом имени Крупской.

Саида. Никаких подробностей.

Шафига. Триста, пятьдесят один сантиметр.

Саида. Мне кажется, я чужая, неродная.

Шафига. У тебя же родинка, папина родинка!

Саида. Вот именно, все дело в родинке на щеке. Вы не хотели брать девочку из-за возможных наследственных болезней, но потом папа увидел мою родинку, такую же, как у него, они ведь одинаковые, и тогда он подумал, что это знак, а ты согласилась и сказала, что это даже хорошо, потому что из-за родинки никто и не предположит, не бывает же таких совпадений, и я ничего не заподозрю, и мысли не возникнет, с чего бы вообще, но, смотри, я проницательная девочка, правда? Я вас раскусила. Родинка папина, а я чужая.

Пауза.

Шафига. Больная.

Шафига отходит к кухонной столешнице, стоит там, опершись об нее руками. Пауза. Саида печатает на ноутбуке. Шафига замечает что-то на полу.

Шафига. Откуда эта земля? Ты мне землю в дом принесла.

Шафига суетится, берет веник, идет в сторону прихожей, проверяет шлепанцы Саиды, обнаруживает на подошве землю.

Шафига. Зачем мне лишнюю работу создаешь?

Шафига в своем красном платье в пол нервно подметает комнату.

Саида. Я в саду ходила.

Шафига. Ходи по дорожкам.

Шафига заканчивает подметать, моет руки, садится за стол напротив Саиды.

Шафига. Ты понимаешь, она думает, если у нее муж — олигарх, то ей все позволительно. Я не понимаю, она что, королевна? Владычица? Ее муж Ильяс обычным лаборантом был у твоего папы. (Саида молчит. Пауза.) Я ведь ее недавно видела. В супермаркете, я как раз баклажаны брала... Я про Фирузу, если ты не поняла... (Саида молчит. Пауза.) Беру баклажан, тоненький, нежный такой, для

долмы идеальный, а она его с другой стороны тянет. Не поделили мы баклажан. Да мне и не нужно, подумаешь! Она отпустила баклажан, а я его бросила в кучу и ушла. Бросила и ушла. Вот так. Негодяйка такая...

Пауза. Из телевизора слышны фоновые звуки кулинарного видеоблога. Шафига посматривает на экран.

Саида. Мама, ты новости смотришь?

Шафига. Нет, не смотрю. А что там? Да я все знаю, ничего там хорошего.

Саида. Опять пишут, что хотят возобновить ядерные испытания.

Шафига. Это они пугают друг друга. Не будет испытаний, и ядерной войны тоже не будет. Не нажмет он кнопку.

Саида. Кто? Путин?

Шафига. Ну да, Путин.

Саида. Ну да, не Волдеморт же.

Шафига. Китайцы не допустят ядерной войны. Им это не нужно, им самим это потом разгребать. Китай — сложная страна: говорит одно, пишет другое, подразумевает третье. (*Пауза. Смотрит на экран телевизора.*) Вот, пожалуйста, снова зеленый горошек... (*Пауза.*) А знаешь, если все-таки будет ядерная война, значит будет, и черт с ними со всеми, надоели уже. Я не хочу быть частью этой антропологической катастрофы, я хочу в красном красивом платье смотреть мой ютюб, мою повариху и мои сериалы, вот что я хочу...

Саида. Мама, мы же рядом. Облако к нам поплынет.

Шафига. Не поплынет, хазри в сторону отгонит, мимо пройдет... Надо надеяться на лучшее...

Шафига поднимается, вытаскивает швабру и начинает мыть пол в своем красном красивом платье. Между делом она берет пульт от телевизора и ставит другой канал. Звучит музыкальная заставка еще одного телесериала. Шафига моет пол, попутно бросая взгляд на экран.

Шафига. Еще одна увлекательная история, в которой есть богатая семья, глава этой семьи занимается строительством и отельным бизнесом, а по профессии он — ювелир, но по ходу действия становится понятно, что он — мафиози. Сам он из простой семьи, учился ювелирному делу у известного ювелира, у которого были сын и дочка, был его помощником, но параллельно влюбился в его дочку, но потом мужик-ювелир умирает, и сын его, и этот молодой ювелир связываются с мафией. Брат умирает или его убивают, не совсем понятно, и он, этот ювелир, который молодой, он перебирается в большой город, там женится на богатой женщине, но при этом есть и любовницы, какие-то внебрачные дети. В браке у него два сына,

один погибает в автомобильной катастрофе, а второй сын — гулены, разные женщины, много любовных связей. Но он женится, двое детей: старший — оболтус, дедушка его не любит, невестка не здорова, детей иметь не могут, а второй — избалованный, с детства диабет, тоже гулены, у него подружка с лицея, дед его любит. И вот дают задание подобрать для этого гулены невесту, идут, значит, в баню, выбирают там девочек, и он сам приезжает с родителями на смотрины, и выйдя в город, идет мимо магазинов, заходит в один, где продают пахлаву, а там девочка-продавщица выронила фисташки, рассыпала по всему магазину и потом собирает, девочка с большими зелеными глазами. Невесту, значит, выбирают, остановились на одной девушке, старшей из вот того ювелира дочки племянника детей. Она принесла кофе в гостиную, чтобы на нее могли посмотреть, но зацепилась ногой за ковер и упала, кофе разлился, получился конфуз. И тут пришла зеленоглазая девушка, оказывается, она младшая сестра, девятнадцать лет, и мальчик-гулены говорит, вот она, вот она, моя невеста...

Заставка заканчивается, слышны неразборчивые голоса героев сериала. Саида стучит по клавиатуре лаптопа, озвучивая набираемый текст.

Саида. Дорогой папа!

Считается, если в семьях держат много домашних животных, это показатель здорового общества. Мне хорошо от мысли, что я — часть этой конструкции, ведь я продаю кошачий корм. Но ты не подумай, я не работаю в зоомагазине, хотя что тут такого, но неважно, хочу лишь сказать, что я — менеджер по продажам, к тому же очень сильный менеджер. Корм у нас лучший на рынке, с разными вкусами и добавками, в нем есть все, что нужно для поддержания здоровья и активности кошек.

Геологом я не стала, котов у меня нет, но работа моя важная и полезная, ведь если я не прослежу за поставками, не отправлю вовремя нужное письмо, наш корм супер премиум класса не попадет на полки, и сотни котиков останутся голодными. Поэтому я сейчас допишу это письмо, а потом разошлю несколько напоминаний нашим партнерам. Я хочу, чтобы ты знал это, что я ответственная и серьезная, чтобы похвалил меня, сказал, что я особенная.

Я чужая, папа. Словно из чужой семьи, в которой зеленый горошек и томатная паста — вполне себе деликатес. Я пишу это и прикасаюсь к нашей родинке на щеке.

Ему нравится эта родинка, он хороший, но хочу ли я впускать его в свое сердце? Хочется ли мне снова любить? Любила ли я вообще когда-то? Я не хочу, чтобы он любил меня, и сама не хочу любить, не хочу быть уязвимой... Он поцеловал меня в родинку, и я так растерялась, это было намного интимнее всего, что было между нами. Он удивился моей реакции, взял за руку, улыбнулся, а я сказала: «Do not touch the tape inside».

Мне нравится заниматься с ним сексом — без последствий, без обязательств. Он умен, он знает мою штучку, мою трепещущую штучку. Когда он лежит на мне, я чувствую, как трехметровый червь толщиной с удава проникает в меня. Я чувствую, как наливаюсь жаром, и я больше не бледная будто белая скатерть.

Чувствую, как ниже живота скапливается энергия, как ее становится все больше, а потом в результате неуправляемой цепной реакции она высвобождается, и происходит ядерный взрыв. Сотня иголок впивается в меня, и по всему телу — от кончиков пальцев до корней волос — проходит ударная волна, дрожит моя грудь, вздрагивают подбородок и нижняя губа. Мне хорошо, папа. Мне так хорошо, папа. Только такие ядерные испытания я хочу. Только через эти испытания я готова проходить...

Я хочу обнять тебя, папа. Уловить запах сигарет и одеколона. Нежно оцарапаться о твою щетину. Услышать твой хриплый голос.

Чтобы ты сказал: «You're a wizard, Harry».

«You're a wizard, Harry».

«You're a wizard, Harry».

СЕЗОН ПЯТЫЙ

Саида и Шафига сидят за столом и пьют чай. Шафига уже не в красном платье, а в обычном нейтральном виде. На столе сахарница с колотым сахаром и две вазочки — с круглым печеньем и мармеладом. Лаптоп Саиды лежит рядом в закрытом состоянии.

Шафига. Может, тебе кота завести?

Саида. Зачем?

Шафига. Просто... Ты же можешь брать ваш корм по скидке? Или даже по себестоимости? Можешь? Выгодно же.

Саида. Странная логика, мама.

Шафига. Самая обычная. Возьми рыжего котика, назови Давуд... Тебя коты любят. Сразу к тебе идут... Кошки хороших людей сразу чувствуют... У тебя кто-то есть?

Саида. Нет, мама.

Шафига ждет какого-то продолжения, но Саида молчит. Пьют чай. Саида берет с блюда круглое печенье.

Шафига. Твой папа все время покупал круглое печенье... Ужасное деревянное печенье... Ты макала его в чай, размягчала и потом ела...

Саида макает печенье в чай.

Саида (улыбается). Главное, не передержать и успеть съесть, пока не развалилось...

Шафига. Твой папа красиво ест. Очень красиво ест. Ты разве не замечала?

Саида. Не помню, мама.

Шафига. Ничего ты не помнишь... Очень аккуратно ест, изысканно... Вот есть люди, которые набрасываются на еду... Как какие-то звери... Как динозавры... А он так аккуратно... Отщипывает... Кусает осторожно, никуда не торопится... *(Пауза.)* А ты торопишься...

Саида не успевает съесть печенье — половинка разваливается и падает в чай.

Шафига. Одним глазом в телефоне...

Саида кладет в рот оставшуюся половинку печенья, открывает ноутбук.

Шафига. В компьютере... Что у тебя там в компьютере?

Саида. Там ютуб...

Пауза. Шафига поворачивается в сторону телевизора. Из телевизора слышны фоновые звуки кулинарного видеоблога.

Саида. Что она сегодня готовит?

Шафига. Да гадость очередную... Она, значит, перемолола финики, пропустила их через мясорубку, потом сушеный киви, курагу, кишмиш, еще до этого орехи пропустила, но нехорошие орехи, явно, нет-нет-нет, они очень черные, это тебе не ордубадские орехи, значит, все это смешала с молотыми орехами, налила растительное масло, руками перемешала, сделала шарики, шлеп-шлеп... *(Показывает руками.)* ...шлеп-шлеп, маленькие кюфтушки⁶, маленькие такие кюфтушечки, и сейчас... *(Смотрит на экран. Пауза.)* Сейчас она обваливает их в кокосовой стружке... Отвратительно... *(Пауза.)* И все, готово... Это отвратительно... *(Пауза.)* Так у тебя кто-то есть?

Саида. Нет, мама, у меня никого нет.

Пауза.

Шафига. Самое главное, не надо связываться с женатыми... Не бери женатого. Никто не захочет быть вторым номером. Все эти разговоры про скорый развод — это сказки. Не может уйти из-за ребенка, ребенок очень привязан, будет травма — брехня это все. Жить без тебя не могу, страдаю, а сам — раз-раз и второго родили. Жену не любит, с ней, конечно, не спит, а потом шлеп-шлеп... *(Показывает руками, будто лепит шарики.)* ...и третий ребенок... *(Смотрит на экран.)* Что это за гадость? Какая гадость!.. И кушают, и радуются жизни...

⁶ Кюфта — фрикаделька.

Шафига поднимается и идет к холодильнику, из морозилки достает упаковку с мороженым, а из выдвижного ящика столешницы вытаскивает скуп — ложку для мороженого. Приносит все к столу.

Шафига. У меня есть эта штучка.

Саида. Это ложка.

Шафига. Просто ложка? У нее наверняка есть другое название.

Саида. Я не знаю, мама.

Шафига. Ну посмотри в интернете, поищи там.

Саида. Не хочу, мама.

Шафига. Напиши «ложка для мороженого».

Саида. Не хочу. Отдай мне эту штучку.

Саида забирает скуп, открывает упаковку с мороженым, зачерпывает скупом шарики мороженого и кладет в глубокие тарелочки, которые как раз приносит Шафига.

Саида и Шафига сидят за столом и едят мороженое.

Шафига. Мы в конце сезона готовили хамраши⁷, в самом конце сезона, в последних числах августа, перед переездом в город... Как прощальный обед... У нас была алюминиевая кастрюля со страшными ручками, в ней готовили... Мятая кастрюля, страшная такая, но большая была, удобная... Я нарезала тонкие узкие полоски теста, лепила маленькие кюфушки из баранины, совсем маленькие — гыр-гыр кюфта... И твой папа раздавал хамраши соседям — в честь закрытия сезона. Традиция такая была, надо было дать пай семерым соседям, в каждый дом по одной кясе... (Пауза.) А на скалах мы паласы сушили, бросали прямо на скалах после стирки... Никто не воровал, посторонних и не было... Сейчас и скал не осталось, там же чьи-то дачи... (Пауза.) А помнишь, мы однажды забыли поставить заглушку в камин и всю ночь воевали с комарами. Твой папа в ту ночь убил пятьдесят шесть комаров, всю ночь убивал, и ты тоже ты не спала. Помнишь?

Саида. Не помню, мама.

Шафига. Ну как же? Ты показывала папе комаров, а он их хлопал. На лету, на стенах, на потолке. В потолок он бросал диванную подушку, помнишь? Ты особенно радовалась, когда в потолок бросал... И прибитый комарик оседал вниз... (Смеется.) Столько смеялась, перевозбудилась, только под утро заснула... Пятьдесят шесть жирных, наевшихся крови комаров, мы их потом всех

⁷ Хамираши (хамраши) — суп с лапшой и фрикадельками, блюдо азербайджанской кухни.

пересчитали, все трупики посчитали, помнишь?.. (*Саида молчит. Пауза.*) Помнишь, Саида?

Саида. Я не помню, мама, не помню. Понятно? (*Переходит на крик.*) Я не помню. Я забыла. Я все забыла.

Пауза. Обе молчат. Шафига поворачивается в сторону телевизора.

Шафига. Это некрасиво.

Саида не реагирует, ест мороженое. Шафига смотрит на экран телевизора.

Шафига. Это некрасиво... Понимаешь, это эстетически плохо выглядит...

Саида замирает, смотрит на Шафигу.

Шафига. Она выпекает бисквит на углях, и он не поднимается. Зачем это нужно? Наверняка резиновый, но дети ее кушают, ничего... И внук этот, динозаврик...

Пауза. Саида хохочет.

Шафига. Что такое? Мне расскажи, я тоже посмеюсь.

Саида успокаивается. Пауза.

Шафига. У нее сахарный песок — на глаз, вода — на глаз, варенье кипит на углях два часа... Варенье варят максимум сорок минут, а у нее два часа булькает... В каждом варенье своя изюминка есть, а у нее нет. Не кладет лимон, пряности не добавляет... Но все потом легко съедают. Не понимаю...

Саида снова хохочет.

Шафига. А ты, оказывается, хохотушка. Я и не знала...

Саида успокаивается.

Шафига. Забыла она! Ты забыла, а я зато помню. Я расскажу, а ты запиши. Зачем нервничать? Можем прямой эфир на ютюбе сделать, я там все расскажу. (*Пауза.*) Как его зовут?

Саида. Кого?

Шафига. Того, с кем ты все время переписываешься... Кому ты все время пишешь? (*Саида не отвечает. Пауза.*) Как его зовут?

Саида. Его зовут Давуд.

Шафига. Очень смешно... (Пауза.) Разведенный тебе тоже не нужен. Разведенный мужчина — как мятая кастрюля со страшными ручками. Для дачи хорошо, но не больше... А если у него дети? Это вообще не нужно. Чужие дети — это балласт...

Саида. Мама, я — балласт?

Шафига. Опять эти твои бредни. Сколько можно? Ты просто инфантильная, я тебе о важном говорю, потому что я жизнь прожила, я что-то в этой жизни знаю, а ты цепляешься за какие-то обрывки, за какие-то огрызки, это все инфантилизм, неумение жить, непонимание жизни как чуда, данного богом, надо радоваться, радоваться всем мелочам, радоваться ютьюбу, плохим рецептам этой поварихи, примитивным сериалам, из-за которых ты закатываешь глаза, и даже тому, что я влезла в старое платье, в красное красивое платье, купленное в Цюрихе, всему этому надо радоваться, и я радуюсь и за все благодарю, а ты не умеешь, не хочешь и не умеешь.

Саида. Мама, выключи кондиционер.

Шафига. Что?

Саида. Выключи кондиционер. Выключи его. Я хочу тепло, я хочу кокосовые пальмы, хлебные деревья и магнолии. Я замерзла, во мне только холод, я ничего не чувствую, во мне больше нет тепла, во мне нет никакой чувствительности, меня перекрутило так, что я хрустнула, и теперь я больше ничего не чувствую, только холод, только твой холод и ничего другого.

Шафига поднимается, приносит пульт от кондиционера, бросает на стол. Саида берет пульт. Шафига замечает что-то на ее пальцах.

Шафига. Что у тебя с ногтями?

Саида выключает кондиционер.

Шафига. У тебя грязь под ногтями? Это земля? Что это?

Саида. Наверное, песок после моря.

Шафига. Ты замарашка?

Саида. Мама, отстань.

Шафига. Помой руки. Помой и проспиртуй. Ты грязнуля? Ты какая-то грязнуля. Надо соблюдать гигиену, ты же женщина. Я всегда спиртую руки. Есть ковид, нет ковида — все равно. Я когда в супермаркете покупаю фрукты-овощи, первым делом спиртую руки, потому что я с улицы, мало ли, а после того, как куплю, снова спиртую, потому что другие люди тоже трогали эти фрукты-овощи! Понимаешь? Я в тот день баклажаны покупала, и знаешь, кого увидела? Знаешь, кого увидела?

Саида. Дай подумать. Это была Фируза?

Шафига. Совершенно верно. Я выбираю баклажан, поднимаю голову и тут...

Шафига умолкает на полуслове. Саида выжидательно смотрит на нее.

Шафига. Я же прикалываюсь. Я уже рассказывала. Прикалываюсь, ну...

Шафига хохочет. Вслед за ней хохочет и Саида. Пауза.

Обе успокаиваются, становятся серьезными. Саида смотрит в лаптоп. Шафига отходит к кухонной столешнице.

Шафига. Дорогой Исмаил!

В Бузовну приехала наша дочь Саида. Мы замечательно проводим время, каждый день ходим на море, вечерами гуляем по нашей Приморской улице, а после допоздна сидим во дворе под раскидистым тутовником. Мы много беседуем, делимся сокровенным. Наша Саида — большая умница, очень сильный менеджер, у нее добрая душа, я ей все время говорю, что мы оба, я и ты, гордимся ею.

Несколько дней назад с пляжа раздались звуки экскаваторов, грейдеров и какой-то другой техники. Оказывается, было решено снести все незаконные постройки на берегу, и теперь там больше нет заборов и персональных пристаней. Теперь там гуляем мы с Саидой...

Шафига умолкает на полуслове и замирает. Вокруг ее лица появляется значок загрузки — лучистый круг в разных оттенках серого цвета. Шафига приходит в движение и продолжает.

Шафига. Расскажу тебе забавную историю, которая приключилась со мной на днях. В супермаркете я встретила Фирузу, жену твоего бывшего лаборанта Ильяса. Я покупала баклажаны, как ты можешь догадаться, это были длинные и тоненькие баклажаны, и только я выбрала один особенно нежный баклажан, как выяснилось, что Фируза ухватила именно его. Вышло так, что мы обе потянулись за одним и тем же баклажаном. Я смерила ее испепеляющим взглядом, и она сразу же отпустила баклажан, а я бросила его в общую кучу и ушла. Я бросила и ушла. Я бросила и ушла.

Шафига умолкает. Серые лучи вокруг ее лица исчезают.

Саида. Это увлекательная история, в которой главная героиня, молодая девушка, приезжает погостить к матери в маленький поселок у моря. С матерью у нее отношения не складываются, потому что мать ее — женщина холодная и эгоистичная. Попутно девушка пытается разгадать тайну исчезновения ее отца, известного геолога, пропавшего много лет назад в отдаленной экспедиции. К отцу она была сильно привязана, папа ей с детства был очень дорог, они часто вместе придумывали разные истории, она вообще была та еще фантазерка. Тем временем на пляже сносят незаконные постройки, и там девушка знакомится с молодым человеком, который работает в муниципалитете. Этот рыжий парень влюбляется

в девушку, но он гулены, не очень приятный, наглый и настырный. Сердцу не прикажешь, и девушка тоже увлекается им, у них начинается роман. Выясняется, что этот парень — сын лаборанта отца девушки, который теперь строительный магнат. Мать девушки настроена против, и это еще больше осложняет их общение. Еще выясняется, что за сносом пляжных построек стоит этот самый строительный олигарх, потому что он задумал возвести там отель, и сына устроил в муниципалитет с корыстным мотивом, а еще есть подозрение, что в свое время именно он был замешан в пропаже известного геолога, папы девушки. Тут вскрывается еще одна тайна — девушка слышит голоса, а точнее пение, какие-то далекие песни. Ей никто не верит, и все решают, что она тронулась умом на почве истории с отцом. Лаборант-олигарх и его жена не хотят связываться с проблемной девушкой, их рыжий гулены-сын оказывается предателем, и девушка сама бросает его, но нет худа без добра — после размолвки налаживаются отношения девушки с матерью, и на этом все заканчивается...

В стороне прихожей раздается шум, открывается дверь, и в комнату вваливаются полинезийцы.

Это мужчины и женщины. Их десять человек, а может, и двадцать. Возможно, их даже человек пятьдесят, потому что вся комната оказывается заполнена ими.

На полинезийцах набедренные повязки и юбки, на шеях — ожерелья из цветов, на головах — шлемы из птичьих перьев.

Шафига. Вы откуда, странники?

Полинезийцы начинают петь и танцевать. Звучит полинезийская песня.

Саида улыбается.

Саида плачет.

Саида смеется.

Занавес.

20–25 Марта 2023